

УДК 81

«ЛЕРМОНТОВСКИЕ» КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МАКРООБРАЗА «ДЕТСТВО» В МЕТАТЕКСТЕ ЛИРИКИ А. А. БЛОКА (из опыта мотивного анализа)

СУББОТИНА Марина Владимировна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,

Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о влиянии наследия М. Ю. Лермонтова на формирование идиостиля А. А. Блока. Впервые лингвостилистическому анализу подвергается семантическая структура макрообраза «детство», лежащего в основе одной из модификаций мотива памяти, что убедительно демонстрирует его аллюзивный характер в лирике А. А. Блока. Возможности мотивного анализа, в основе которого лежит выделение ключевых макрообразов, создающих мотивное пространство, и описание их семантической структуры, состоящей из определенного набора семантических составляющих, позволяют представить не только пути освоения Блоком поэтической традиции, но и некоторые особенности его картины мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мотив, субмотив, идиостиль, макрообраз, символ, семантическое поле.

"LERMONTOV" COMPONENTS OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF MACROIMAGE "CHILDHOOD" IN THE METATEXT OF ALEXANDER BLOK'S LYRICS (based on the experience of motivic analysis)

SUBBOTINA M.V.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language,

Modern Russian and Foreign Literature,

Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article discusses the influence of the heritage of M. Y. Lermontov on the formation of A. A. Blok's ideostyle. For the first time, the semantic structure of the macroimage "childhood" is analysed by one of the modifications of the memory motive, which convincingly demonstrates its allusive character in the lyrics of A. A. Blok. The possibilities of the motivational analysis, which is based on the selection of the key macro images that create the motive space, and the description of their semantic structure consisting of a certain set of semantic components, allow us to present not only the ways of mastering Blok's poetic tradition, but also some features of his world picture.

KEY WORDS: motive, submotive, idiostyle, macroimage, symbol, semantic field.

При изучении особенностей поэтической нормы каждого выдающегося поэта с неизбежностью встает вопрос о соотношении традиционной и индивидуально-авторской составляющей его идиостиля. Применительно к А. А. Блоку, которого современники не без основания называли «Лермонтовым наших дней», соотнесение явлений общей традиции XIX века и особенностей лермонтовского контекстного воплощения словесных образов с собственно блоковской индивидуальной нормой позволяет не только установить соответствия на линии Лермонтов – Блок, но и осветить некоторые аспекты эволюции художественной системы последнего. Богатейший материал для таких наблюдений дают стихотворения, в которых мотив памяти модифицируется в субмотив детских воспоминаний, потому что именно в них пересекаются все основные мотивы идеальных представлений обоих поэтов.

Детские впечатления получили у Лермонтова многообразное творческое воплощение в драмах «Страшный человек», «Люди и страсти», поэмах

«Измаил-Бей», «Исповедь», в трагедии «Испанцы», в неоконченной повести «Я хочу рассказать вам», а также в стихотворениях «Кавказ», «Булевар», «Как часто, пестрою толпою окружен...».

Реализация субмотива детских воспоминаний связана прежде всего с макрообразом **детство** и сопряженным с ним образом **ребенка**, который является одним из воплощений лирического я. Семантика макрообраза «детство» складывается на основе семантических полей словесных символов **память** и **сон**. Во всех названных текстах (несмотря на то что последнее стихотворение и два первых разделяет временной интервал в десять лет) символ **память** функционирует в связи с образом-интерферентом **звук** (песня матери), образом лирического «я» (**ребенок**) и макрообразом «любовь // Идеальная Возлюбленная:

Уста и взор – стыжусь! в уме моем

Головка та ничем не изгнана:

Как некий сон младенческих ночей

Или как песня матери моей.

[1, с. 158]

Семантическая структура символа **память** обогащается значениями «память о матери» и «память о первой любви», а в стихотворении «Как часто,

пестрою толпою окружен...» формируется значение «память о родном доме» как о единственном прибежище среди житейских бурь и невзгод:

И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

[1, с. 48]

Этот смысл репрезентируется в образе «свежего островка среди морей». По мысли В. И. Коровина, в этом сравнении «заключается вся трагическая коллизия стихотворения... образ мятежной морской стихии непосредственно ассоциируется с жизненной бурей, которая постоянно грозит идеалам человека и мешают их свободному проявлению» [2, с. 102-103].

Так формируются три основные семантические составляющие макрообраза «детство»:

- 1) любовь к матери;
- 2) детская влюбленность, потребность любить;
- 3) чувство защищенности от враждебного мира.

Память тонко чувствующего, любящего ребенка сохраняет яркие картины детства (при этом идиллические воспоминания реализуются в конкретных и точных образах: «зеленая сеть трав», «спящий пруд», «темная аллея», «село», «туманы над полями» и др.), моделирующих представление об идеальном мире бескорыстной любви, добра и красоты, мире, преисполненном гармонии, поэтому для Лермонтова детство – едва ли не единственная непреходящая ценность.

Ряд слов из лексико-семантического комплекса «воспоминание», рисующий светлые картины детства, взаимодействует с другим – передающим чувства, связанные с памятью об умершей матери, родном доме, первой влюбленности (памятный глас, сердце лепечет, святые звуки, родные места и др.). На пересечении этих двух рядов возникает семантический контакт слов с общей семьей «светлая печаль».

Кроме того, в тексте стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...» возникает еще одно важное значение: в детских воспоминаниях для лирического субъекта кроется **источник жизненных сил**, дающий волю к активному действию.

Как показывает анализ, в формировании семантики макрообраза «детство» большую роль играет образ-интерферент **душа** (контекстуальный синоним – **сердце**):

Ласкаю я в душе странную мечту,
Погибших лет святые звуки.

[1, с. 48]

Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомню тот взор...

[1, с. 124]

Контекстная близость словесных образов **память** и **душа** способствует развитию в семантической структуре последнего наряду с традиционным смыслом **духовный мир человека** смысла **мир памяти о детстве**, в результате чего возникает следующая семантическая составляющая макрообраза **детство** – «непреходящая духовная ценность».

Символ «**память**» функционирует в тесном контакте с символическим образом «**сон**», контекстуально связанным с образом-интерферентом **мечта**, что актуализирует обоих словесных символах семантическую составляющую «желанное бытие (альтернативный мир)».

В лирическом сюжете стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...» **сон** становится

средством возвращения лирического субъекта в идеальный мир детства.

Говоря об особенностях воплощения субмотива **детских воспоминаний** в поэтических текстах А. Блока, нельзя не обратить внимание на то, что определяющими для формирования семантики макрообраза «детство», как и в лирике М. Ю. Лермонтова, становятся символические образы **память** и **сон** и их семантические поля. Одна из основных семантических составляющих символа **память** – «любовь к матери» – задается уже в повторяющемся названии ряда стихотворений «Моей матери» (1898, 1899, 1901, 1904, 1905 гг.); «Сын и мать» (1906 г.). Это связано, видимо, с тем, что детские и юношеские годы Блок провел в окружении нежно любящих его людей, а особая душевная близость с матерью сохранялась на протяжении всей недолгой жизни поэта. Тетка А. Блока, М. А. Бекетова, в своих воспоминаниях отмечала медленное взросление племянника и надолго сохранившуюся детскую доверчивость, шаловливость и веселость [3].

Будучи сильной позицией лирического текста, такой заголовок предполагает постоянное обращение ко второму лицу (а именно к матери), присутствии рядом с лирическим субъектом еще одного героя лирического сюжета. Изотопия **нежности** находит свое воплощение:

1. В многочисленных словах с уменьшительно-ласкательными суффиксами (нянюшка, дитятко, комнатка, постелька, рученьки, ноженьки, глазки, тоненький, сонненький, удаленький, головка, ножки, кроватка, вербочки, свечечки и др.).

2. В словах ЛСГ «Семья»: папа, дети, мама, дочка, нянюшка, няня старая.

3. В названии стихотворения «Колыбельная», порождающего в воспринимающем сознании определенный сценарий.

Значительную роль в формировании семантической структуры макрообраза «детство» так же, как и у Лермонтова, играет символический образ «**сон**», семантика которого в макроконтексте блоковской лирики включает в себя, помимо значения «память о детстве», возникшее на основе образов-интерферентов **сказка** и **ребенок** (мальчик) и их семантических полей (стихотворения «Колыбельная» (1904 г.) и «Сны» (1912 г.)) значение «волшебный, чудесный мир»:

Сладкий сон вам пошло,
Тихой сказкой усыплю,
Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

[4, с. 248]

Для нас важным является тот факт, что символ **память** в макротексте творчества Блока так же, как и у Лермонтова, тесно связан с образом-интерферентом **звук** (песня), образом лирического «я» (**мальчик**) и макрообразом **любовь** // «Идеальная возлюбленная». Результатом такого взаимодействия стала полисеманτικότητα символа **память** в контексте детских воспоминаний:

- память о любовной и нежной семейной атмосфере;
- память о родном доме;
- сыновья любовь к матери;
- память о первой любви.

Отмеченную у Лермонтова аппликацию субмотивов памяти о первой любви и детских воспоминаний мы обнаруживаем и у Блока. Говоря о совпадении «первого переживания высокой любви с темой раннего детства», З. Г. Минц отмечает: «...первый у зрелого Блока – антитеза не «второго»,

«третьего» и т. д., а антоним понятий «повторяющийся», «многократный», «обычный», «типовой» и т. д.; все «не первое» принадлежит уже не «раю», а «страшному миру» [5, с. 223-224].

Кроме того, семантика макрообраза «детство» обогащается значением «мир духовных ценностей, мир светлой веры». Эта семантическая составляющая формируется в контекстах, где активно функционируют словесные единицы из ЛСГ «религия» (Бог, Воскресенье Вербное, лампадка, божий сад, ангел, святой мученик и др.) и репродуцируются различные религиозные сюжеты.

Для нашего исследования особый интерес представляют собой два блоковых стихотворения разных лет: «Сусальный ангел» (1909 г.) и «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» (1912 г.).

Первое стихотворение аллюзивно воспроизводит лирический сюжет лермонтовского «Как часто, πεстрою толпою окружен...», так как сущностные характеристики лирического сюжета «Сусального ангела» – эмпирическое (связанное с миром детей) и ментальное (связанное с сознанием, оценивающим и анализирующим этот мир) – во многом совпадают с сущностными характеристиками лирического сюжета стихотворения М. Ю. Лермонтова.

Анализ «Сусального ангела» по тематической сетке позволяет выделить следующие взаимосвязанные тематические группы: **детство**: разукрашенная елка, играющие дети, детская, няня, шалунья девочка, сусальный ангел; **разрушение**: тает, тают, падает, сломались, засохла, ломайтесь, тайте, умрите, погибайте; **стихия**: огонь, пламя, гул.

Хрупкий мир детских мечтаний и грез, символическим воплощением которого выступает образ «сусального ангела», противопоставлен беспощадному, разрушительному миру реальности так же, как у Лермонтова мир детства («свежий островок») противостоит разъедающему скепсису и холоду реальной жизни. Но если для лирического субъекта лермонтовского стихотворения память о детстве – едва ли не единственный источник жизненной энергии, то «былое» в «Сусальном ангеле» лишь предмет для тихих слез и ностальгических сожалений.

Изотопию **сокрушительности** «житейской суеты» предопределяют многочисленные императивы и трехкратное повторение в разных формах глагола «таять», включающего в свою семантику смыслы

«хрупкое», «уязвимое». Поэтому можно говорить о формировании еще одной семантической составляющей макрообраза «детство» у Блока: «хрупкий мир, альтернативный реальности».

Применительно к стихотворению «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» следует говорить об аллюзивной природе всего образного строя этого лирического текста.

Семантика макрообраза «детство» складывается прежде всего на базе словесного символа **сон**, в основе которого лежат образы-интерференты **дом** и **звук** и их семантические поля. Именно в значении сон – память символ **сон** активно взаимодействует с названными словесными образами, обогащаясь значением «память о первой любви». Характерно, что, как и в лермонтовском тексте, все перечисленные образы контекстуально связаны с образом **Идеальной Возлюбленной**, который присутствует здесь имплицитно.

Отметим также, что, как и в лермонтовских контекстах, в формировании семантики макрообраза «детство» большую роль играет образ-интерферент «душа», семантика которого связана с его контекстными воплощениями:

Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...
[4, с. 86]

Приближается звук.
И, покорна щемящему звуку.
Молодеет душа.
[4, с. 168]

Такое словесное воплощение образа «душа» позволяет определить его как емкую семантическую сущность, в которой осуществляется компрессия следующих смыслов:

1. духовный мир человека;
2. мир памяти о детстве,

что, в свою очередь, ведет к формированию еще одной семантической составляющей макрообраза «детство» – «непреходящая духовная ценность».

Произведенный анализ позволяет выявить общее и различное в семантической структуре макрообраза «детство» в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока:

Лермонтов	Блок
1. любовь к матери;	1. любовь к матери;
2. потребность любить, детская влюбленность;	2. потребность любить, первая любовь;
3. единственная непреходящая духовная ценность;	3. непреходящая духовная ценность;
4. идеальный мир добра, любви, естественности в проявлении чувств;	4. идеальный мир добра, любви, нежности;
5. альтернативный реальности мир;	5. альтернативный реальности мир;
6. источник жизненных сил, дающий волю к активному действию, духовная опора;	6. мир духовный ценностей, светлой веры;
7. защищенность, отгороженность от враждебной действительности;	7. хрупкий, уязвимый мир;
8. светлая грусть, ностальгическая печаль.	8. волшебный, чудесный мир.

Пять основных семантических составляющих из восьми выделенных нами (с небольшими вариантами значений) совпадают, что свидетельствует об аллюзивной природе макрообраза «детство» в лирике Блока, непосредственно восходящего к лермонтовскому макрообразу. Объектом рефлексии обоих поэтов становится **дом**, воплощающий представление о прошлой жизни, что связано с закрепленной в сознании всех носителей языка антонимической интенции: **родной дом** – **убежище**, пристанище, где можно укрыться от грозной стихии **ре-**

альной жизни. Различия же в семантике макрообраза были предопределены общеизвестными обстоятельствами рождения, воспитания, семейным укладом и атмосферой Дома, но так или иначе именно он стал отправной точкой в судьбе двух великих русских поэтов, и мотивный анализ, убедительно демонстрирующий полисемантическую макрообраза «детство» в лирике М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока, показывает его идеологическую и духовную значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1948. – Т. 1.
2. Коровин, В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова [Текст] / В. И. Коровин. – М.: Просвещение, 1973. – 288 с.
3. Бекетова, М. А. Воспоминания об Александре Блоке [Текст] / М. А. Бекетова. – М.: Правда, 1990. – 672 с.
4. Блок, А. А. Собр. соч.: в 6-ти т. [Текст] / А. А. Блок. – М.: Правда, 1971. – Т. 2, 3.
5. Минц, З. Г. Поэтика Александра Блока [Текст] / З. Г. Минц. – СПб.: Искусство-СПБ, 1999. – 727 с.